

Россия - 2003 - 3 марта - с. 12-13

Трепетный великан

Алла Ануфриева, фото Сергея Микляева

О магической силе телевизионного ящика, способной выхватить из небытия или забвения артиста и в одночасье сделать его всеобщей знаменитостью, много говорят. «Приобрести известность — не значит стать лучше», — спокойно, но с оттенком горечи констатирует Дмитрий Назаров. Уж ему-то очень хорошо это известно. Слава телегероя нашла талантливого театрального артиста Назарова в 45 лет. Достаточно поздно для того, чтобы строить иллюзии.

«Все спрашивают: «Где же вы раньше были?» Да здесь я был, здесь! Только почему-то этого никто не замечал». Преувеличил, конечно. В театральном мире он давно замечен. Сыграл в спектаклях Бориса Морозова, да так, что критики ахнули: трагический герой! Бешеный темперамент! И в Театр Российской армии народ пошел — если не «на Назарова», то «на «Отелло» уж точно.

...Он внешне очень нетороплив. И движения все плавные, замедленные. Улыбка добрая. Но почему-то ощущение комара, по дурри залетевшего в клетку ко льву, не покидает меня на протяжении всей встречи.

Из досье «Россия»: Назаров Дмитрий Юрьевич, народный артист России. Родился в 1957 году в Москве в семье врача и инженера. С 1980 по 1995 год, после окончания театрального училища им. Щепкина, работал в Малом театре. С 1995 по 2002 год — артист Театра Российской армии, ныне артист МХАТа им. Чехова. Лауреат премии «Хрустальная Турандот» и премии Смокутновского. Сыграл роль судьи Ивана Склира в телесериале «Закон», снимался в сериалах «Гражданин начальник», «Каменская», «Марш Турецкого». Ведущий программы «Кулинаруный поединок» на НТВ. Жена — Ольга Васильева, актриса Театра Российской армии, дети — сын Арсений (12 лет) и дочь Арина (3 года), дочь Нина от первого брака и четырехлетняя внучка Маша.

— Вы на какой скорости живете?

— Если по аналогии с автомобильными скоростями — где-то на третьей-четвертой стараюсь существовать. Правда, надо уметь иногда

выключаться, переходить на нейтральную или первую, но это сложно, потому что медлительность меня раздражает. Люблю все делать быстро. Даже есть долго не люблю, жалко на это время тратить. Нас в театральном институте так воспитывали: «Если ты приходишь домой и у тебя еще остались силы на то, другое и третье, что-то в твоей актерской профессии неправильно. А если приходишь с одной мыслью: рухнуть в постель, ну, может, еще с женой пообщаться — тогда все в порядке».

— В детстве вас чаще тормозили, чем подгоняли?

— Класа до 6-7-го я был низенький, толстенький и в очках. Но при этом достаточно шустрый. В самодеятельности участвовал и в школе, и в пионерских лагерях. Я всегда хотел быть актером. Но когда я в первый раз поступал, то провалился во все театральные вузы. Видимо, это оказалось для меня серьезной травмой, потому что на следующий год я не поступал уже никуда.

— А еще через год поступили в Училище имени Щепкина при Малом театре. Почему выбрали именно его?

— Курс набирал Виктор Коршунов, он тогда много в кино снимался, был для меня в ореоле героических ролей. А что касается школы Малого театра, главное — чтобы человек вообще получил какую-то школу. Это фундамент, на котором потом можно построить все, что угодно. Кто-то будет бассейн строить, кто-то — Дворец съездов, а кто-то, может, и храм... Я получил хорошую школу сначала в

училище, потом в театре, где работал рядом с великими артистами. И только несколько лет спустя, имея уже опыт и солидный багаж из маленьких ролей, я стал чувствовать досаду: почему мне не дают работать в полную силу, почему не снимают в кино? Коршунов предупреждал: «Первые три года в массовке бегайте и ни о чем другом даже не думайте». И это правильно, пото-

Я никогда не отказываюсь от озвучания компьютерных игр. Зато потом — включаешь диск, а персонаж твоим же голосом рычит: «Умри, ничтожный!» И убивает тебя копьём. Приятно...

му что организмы у вчерашних студентов неокрепшие. Только крепкий организм способен выдержать большую паузу в работе — не растерять талант, не спиться, не стать циником, не сменить профессию, не сжалиться.

— Ваша пауза затянулась на 15 лет?

— Нет, почему? По меркам Малого театра я был достаточно востребован в работе, сыграл больше 50 ролей.

— 50 ролей — и полная безвестность?

— Известность — очень шаткое понятие. Сколько есть потрясающих артистов, которых никто не знает. Кого-то не видят режиссеры, а

кто-то сам отказывается от случайных ролей в ожидании «своей» роли. Знаете, сколько есть случаев, когда твой двойник царит на экране — и нет смысла вытаскивать второго такого же, пусть даже и более талантливого.

— Когда режиссер Борис Морозов уходил из Малого театра в Театр Российской армии и позвал вас с собой, он предложил вам сразу несколько главных ролей. Почему он сделал ставку именно на вас?

— Морозов хорошо знал мои возможности, потому что еще в Малом театре я был занят в четырех из шести его спектаклей. И когда Морозов стал главным режиссером, он предложил мне главные роли — и я действительно их сыграл. Это Бенедикт в «Много шума из ничего», Ераст в «Сердце не камень», Сатин в «На дне» и Отелло.

Для меня это было счастье, потому что мы с ним — одной крови. Можно не договаривать фразу, потому что другой поймет ее с полуслова.

— Но с тех пор, как вы начали репетировать во МХАТе, вы больше не играете в Театре армии?

— Нет. У меня не получилось уйти спокойно, слишком все конфликтно оказалось. Наверное, мой уход Борис Афанасьевич был склонен расценивать как нечестный поступок. После того как руководство узнало о моем переходе во МХАТ, меня сразу заменили во всех спектаклях, не дав попрощаться ни с одной ролью. Так что никакого желания сгладить ситуацию уже нет.

— Кого вы можете назвать своим учителем в профессии?

— Если говорить не об учебе в институте, а о работе в театре, то, конечно, Морозова я считаю своим учителем. Мог бы назвать и Виталия Соломина, который также приглашал меня почти во все свои постановки. А третий режиссер — Екатерина Еланская, у которой в театре «Сфера» я сыграл несколько больших ролей.

Есть актеры, которые каждый раз проживают спектакль, а другие все делают внешне. Но это не значит, что вторые хуже. Покойный Кенигсон, царствие ему небесное, технически добивался потрясающих эффектов, абсолютно не затрачиваясь, ни капельки! Как он озвучивал Луи де Фюнеса, говорят, спиной, не глядя, так и на сцене играл. Но это был Мастер! А другим артистам важно, чтобы их несло! И я ближе к этой породе.

— У вас до сих пор к театру трепетное отношение?

— Однозначно трепетное. Я сейчас репетирую роль Курослепова в «Горячем сердце» у Олега Табакова и не представляю даже, что настанет скоро момент, когда мне придется выйти на сцену МХАТа... Брр-р. Все это трепетно и волнительно.

— Вы уже рассказывали о том, как романтично начинались отношения с будущей женой: вы ее красиво защитили от приставших хулиганов, она вас отстояла у подоспевшей милиции. Но если бы в тот вечер хулиганы прошли мимо, ничего бы не случилось?

— Я не понимаю выражения «любовь с первого

3.03.03.
Назаров Дмитрий

566

взгляда», потому что другой любви не бывает. Мы всегда, в трамвае или на улице, встречаясь с кем-то глазами, точно знаем, что это сулит. Просто чаще всего мы проходим мимо и ждем следующей встречи, если она нам нужна. Так что мы с Ольгой давно нашли друг друга глазами. Мы шли навстречу друг другу, и оба, как я думаю, хорошо понимали, что идем в верном направлении.

— У вас обоих был за плечами опыт семейной жизни, и у каждого уже были дети... Решиться на повторный брак, наверное, сложно?

— Почему? Мы обсуждали это, и оказалось все достаточно просто. Какая-то настороженность, безусловно, существует, потому что нужна притирка. Это как в пазлах: какие-то пазики легко сходятся, а какие-то — не очень. Или они сойдутся, или нет, и тогда ничего не выйдет.

— По-моему, только в пазлах так и бывает, чтобы все сошлось, а в жизни — нет.

— Это вопрос веры! Если веришь, мечтаешь, надеешься, то все может быть! Если мне какой-то пазик не подходит, то я его подтачиваю, подпиливаю, чтобы он подошел. Надеюсь, что и жена так делает.

— Вы с Ольгой занимаетесь одной профессией. Советуете что-то друг другу? Есть ли творческая ревность?

— Обмен мнениями — это естественный процесс, хотя в нем есть свои тонкости: очень опасно и легко задеть чье-то самолюбие. Одна мхатовская актриса говорила: «Вон из моей роли!» Мы часто эти слова вспоминаем, потому что, советуя, нельзя залезать в чужую роль слишком глубоко. А что касается ревности — она присутствует, и этого никто не скрывает. Все проблемы дома названы и обсуждаются. До прихода Бориса Морозова у Оли в Театре армии все складывалось более чем хорошо, поскольку руководителем был Леонид Хейфец, ее педагог, учитель. Она играла все, что может удовлетворить актрису в большом театре. А с уходом Хейфеца ситуация резко изменилась, ведь для Морозова она была совершенно чужим человеком. Я очень хорошо знаю, чего она достойна и чего ей не хватает, и как только могу стараюсь ей помочь.

— Вы любопытны к тому, что происходит вокруг?

— Да, я любопытен и обычно очень часто ходил к друзьям и коллегам на спектакли, но сейчас такая занятость и беготня, что времени не остается. Я чувствую, что пауза слишком затянулась, потому что мне этих впечатлений не хватает. И книги читать не успеваю. Знаете, что такое прочитать сценарий 12-серийного фильма? Мне говорят: про-

листайте не глядя; но как?! Я пытаюсь заключить брачный контракт с ролью, а потом жить с ней в течение долгих месяцев — значит, читать ее надо еще внимательнее, чем просто книгу. Видите? (Показывает на кучу толстых папок на подоконнике.) Читаешь ночами, во все вникаешь, а потом оказывается, что это никуда не годится, приходится отказываться.

— Ваша жизнь поменялась после сериала «Закон»?

— Да, появилось больше предложений, стали чаще узнавать на улице. Но по укладу и быту ничего не изменилось. Стало проще решать какие-то вопросы, поскольку уже не надо все объяснять и доказывать. Когда я прихожу куда-то — я сразу по глазам понимаю, смотрел человек «Закон» или не смотрел. Более того, сразу могу определить, кто смотрел «Закон», а кто смотрит «Кулинарный поединок».

— Кстати, о «Кулинарном поединке». Появились ли у вас новые пристрастия в еде?

— Как я любил мясо больше всего на свете, так и люблю. А вообще все дело в разнообразии. Утомительно изо дня в день есть исключительно китайские или японские блюда или салат «оливье». Надо все время что-то менять.

— Проблема веса вас не беспокоит?

— Беспокоит. Я вижу себя на съемках в мониторе и понимаю: есть перебор. Плаваю достаточно регулярно. Раньше регулярно ходил с Арсением играть в футбол. Но временно по состоянию здоровья я вынужден ограничить нагрузки. Извините. (Назаров в который уже раз откликается на настойчивый телефонный звонок).

Я забыла сказать, что телефон звонит непрерывно. Артист нужен на примерке костюмов, на репетиции. Сейчас зовут на съемки очередного фильма и долго пытаются вклинить 10 съемочных дней в плотный график артиста. Не получается: в кино он всю снимается у Лунгина, в театре на выпуск спектакль.

— Легко ли дается отказ?

— Просто катастрофа! На прошлой неделе мне пришлось отказаться от двух главных ролей, одна из которых — моя мечта! Самое интересное, что наваливается все сразу, а через полгода будет полный вакуум. Но есть вещи, от которых я не отказываюсь никогда. Например, если зовут на озвучивание компьютерных игр. Понятно, что деньги совсем небольшие, но я все равно иду. Во-первых, потому, что не хочется сжигать мосты, возведенные еще в то время, когда сидел без работы. А во-вторых, это ужасно интересно — вопить, басить, орать разными голосами. Очень эмоциональная рабо-

та — после записи вся рубашка мокрая. Но зато потом приятно: включаешь диск, а персонаж твоим же голосом рычит: «Умри, ничтожный!» И убивает тебя копьём.

— Как же вы все успеваете?

— Нельзя усидеть на всех стульях, и я понимаю, что где-то недорабатываю по большому счету. Но еще хуже, когда артист голоден. Если он дорывается-таки до работы, он начинает так нагружать эту единственную роль, накручивая на нее 20 других, что она по швам расходится. Как говорил Кенигсон, «нитка выдерживает 36 граммов. А при 37 граммах нитка обрывается».

— Вы, я слышала, стихи пишете. Только для капустников?

— Нет, разные. Короткие — как эпиграммы, но их печатать нельзя.

— Может, рискнете?

«Для худрука в театре жизнь — коррида. Под худруком всегда дрожит земля. А вот «Сатирик» — другого вида. Там труппа вся легко и без обиды Играет свиту сына короля.»

Или:

«Есть в жизни очень вредные актрисы, Такие, что порою нету сил. Но хуже всех — Голубкина Лариса. Ах, нет, я про Касаткину забыл...»

— Стихи требуют особого состояния или рождаются мимоходом, за рулем?

— Мимоходом — это у Пушкина. А у меня, если что-то появляется, — я сажусь, смотрю, прошу у мамы помощи (она писала стихи, от нее и ко мне это перешло), и иногда что-то такое вырывается. Но для этого нужно и время, и покой.

«Все вроде правильно: художник гениален,

И так же гениален режиссер, И автор пьесы вечно актуален, Актеры — гении, и в музыке — простор. Все вроде правильно. Но что меня тревожит?

Вот мой вопрос, мой мелкий гадкий бес:

Ну почему так редко происходит В театре чудо — чудо из чудес?»

— Есть вопрос, очень важный для вас, но который журналисты никогда не затрагивают в интервью?

— Если не затрагивают, значит, это никому не интересно. Самое главное, что меня волнует — и об этом я уже много раз говорил, — разобщенность, отсутствие единства России. Не в том смысле, что Союз раскололся на отдельные государства. К сожалению, ощущение нации, одного государства не подогревается никем свыше, наверное, потому, что разобщенным народом легче управлять. Хотя было бы гораздо лучше, если бы эта страна была едина. И, укрепив вертикаль, пора укреплять горизонталь, одну за другой. А начинать надо с культуры.

Нечестная игра

Без комментариев

С любимой женщиной